

УДК 81'27:008.001

ББК 81.001.2

С 89

Е.Н. Суворкина,

кандидат культурологии, заведующая сектором систематизации Научной библиотеки Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, г. Рязань, тел.: +79065477258, e-mail: suvorkina@list.ru

«СДВИГОЛОГИЯ»: ОПЫТ ДЕТСКОГО И ВЗРОСЛОГО СЛОВОТВОРЧЕСТВА

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматривается специфика детского и взрослого словотворчества на практических примерах. Представлены результаты исследования, цель которого состояла в оценке продуктивности процесса идентификации словообразовательных инноваций (ребенок / взрослый). Было обнаружено, что установление авторства является достаточно трудной задачей. Это служит основанием для утверждения о равнозначной ценности окказионализмов детей и взрослых.

Ключевые слова: словотворчество, детское словотворчество, взрослое словотворчество, окказионализмы, В. Хлебников, Б. Лившиц, футуристы, ребенок, субкультура детства, детская картина мира.

E.N. Suvorkina,

Candidate of Cultural Studies, Head of the Sector of Systematization of the Scientific Library, Ryazan State University named after S.A. Esenin, Ryazan, ph.: +79065477258, e-mail: suvorkina@list.ru

“SHIFT STUDIES”: EXPERIENCE OF CHILDREN’S AND ADULT WORD CREATION

Abstract. The paper deals with the specifics of children’s and adult word creation on the basis of practical examples. Results of research the purpose of which was to assess efficiency of identification of word-formation innovations (child / adult) are presented. It has been found that the authorship attribution is quite difficult. It forms the basis for the statement about the equivalent value of nonce words of children and adults.

Keywords: word creation, word creation baby, adult word creation, nonce words, V. Khlebnikov, B. Livshits, futurists, child, subculture of childhood, children’s picture of the world.

В общественно-политическом и методическом журнале ЦК ВЛКСМ и Центрального совета всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина «Вожатый» за 1980 год была опубликована интересная подборка стихотворений октябреника Маши Харитоновой, в которых представлены уникальные образцы детского словотворчества.

Но для анализа выберем «Мой шатливый старый зуб». С целью полноценной, всесторонней интерпретации необходимо привести полный вариант: «Мой шатливый старый зуб // Мышки в подполе грызут. // Мне не жалко, пусть грызут – // К школе новые растут... // Это горюшко – не горе! // Я расту, с часами споря... // Наяву я или

сплю? // Я себя не узнаю! // Что за длинный великан // Влез в мой старый сарафан? // Он и жмет ему и давит, // Живота не прикрывает... // Не поверите, друзья, // Великан-то этот – я!» [цит. по: 1; 52].

Образцом детского словотворчества является прилагательное «шатливый». Оно выстроено по аналогии с таким словом (словообразовательная модель), как, например, «шутливый». Ребенок, по его мнению, не нарушил языковые правила и нормы. Маша, как и любой другой ребенок, стремилась к симметричности, однозначности отношений «форма – значение», о чем говорила С.Н. Цейтлин [2; 169].

Это стихотворение представляет собой уникальный образец опредмеченной картины мира ребенка. Маша зафиксировала традицию, бытующую на протяжении многих веков и имеющую место в наши дни у славянских народов, отдавать Мышке выпавший молочный зуб со словами: «На тебе, Мышка, зуб деревянный, а мне дай костяной» (существуют различные вариации приговора). У других народов роль Мышки выполняет Зубная фея, которая меняет зуб, лежащий под подушкой, на монетку. Интересно, что в условиях глобализации происходит трансформация представлений, их синтез, в результате чего русские дети адресуются к Мышке с вышеприведенными словами, положив зуб под подушку, а не бросая в какое-то определенное место и ожидая от нее и зуб, и монетку.

Нужно заметить, что обращение к Мышке, обряд расставания с зубом происходит совместно со взрослым. Именно он выступает проводником в сакральное пространство сказочной Мышки, хранителем метазнания. Как правило, это мама – самый близкий человек, или бабушка – член семьи, обладающий большим жизненным опытом и знанием. Такие приговоры поэтому следует рассматривать как элемент материнского фольклора

– структурной единицы картины мира, формирующейся на стыке обыденного и специализированного уровней субкультуры детства.

Анализируя текст стихотворения, можно выделить заимствования и определить, кому подражал ребенок.

Строка «это горюшко – не горе» – заимствование из сказки А.С. Пушкина «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди»: «Это горе – все не горе» [3; 610].

Тема интенсивного роста ребенка могла быть перенята у детской писательницы Агнии Барто, стихотворение «Я расту» [4; 191-192], а также, например, из классической литературы XIX века. Так, в той же «Сказке о Царе Салтане» А.С. Пушкина младенец очень быстро рос: «И растет ребенок там // Не по дням, а по часам» [3; 609].

Можно видеть, что ребенок знаком со сказочной темой быстрого роста. Более того, он спроецировал ее на себя, увидел, что также обладает такой способностью.

Стихотворение «Мой шатливый старый зуб» – не просто продукт детского творчества, это выражение сопричастности ребенка к сакральному, удивительному действию, о чем раньше родители могли прочитать ему на страницах книг. Оно показывает, что ребенок находится под очень большим впечатлением от потери первого зуба, от интенсивного роста. Для него это стресс. И он пытается найти примеры пережитого этого кем-то другим, в частности – литературными героями. А тема роста, взросления, инициации особенно ярко выражена в русском фольклоре.

Такой подробный анализ стихотворения девочки-октябрёнка был необходим, чтобы показать, что в стихосложении – высшей ступени речетворчества – ребенок применяет те же принципы, что и в словообразовании: симметричность,

экономичность, логичность, последовательность. Чужие словесные конструкции, приемы – для него это не плагиат, а некий метачеловеческий опыт, достояние *всех* живущих. Кроме того, раз он пользуется отдельными словами из взрослого языка, значит, с его точки зрения, он имеет право на оперирование целыми фразами без указания источника. Это позволяет понять следующую особенность детской психики, языка: ребенок открыт для безбарьерного обмена лингвистическими единицами. То есть существует лингвистический буфер обмена, выполняющий аккумулятивную функцию. С позиции ребенка, в нем хранятся все структурные элементы языка, которые каждый человек имеет возможность использовать. Но он и активно пополняется. Ребенок считает справедливым и не нарушающим баланс то, что он предлагает свои новообразования, призванные закрыть существующие языковые лакуны, и взамен берет что-то «взрослое» – предложения, словосочетания.

Интересно, что иногда такие окказионализмы детей, не связанных единой территорией или временным отрезком, совпадают. Так, например, слово «лунопёк» было обнаружено в «Словаре детских словообразовательных инноваций», составленном С.Н. Цейтлин [5; 483], а также в автобиографическом романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Важно оговориться, сам писатель это слово не употребляет, но только им можно кратко обозначить специфически детское воспоминание, изложенное по-взрослому лексически избыточно. Он рассказывает об отце, любившем спать в теплые ночи во дворе дома на сене: «Мне казалось, что ему *тепло* (курсив мой. – С.Е.) спать от лунного света, льющегося на него...» [6; 22]. Окказионализм «лунопёк» удивительно точно передает бы сказочность этого явления.

Взрослый постоянно усложняет себе жизнь, вводя собственнические

отношения (авторское право), полисемию. Его принцип справедливости выстроен на местоимении «Я», а ребенка – «мы». Последний считает верным общедоступность пользования языком, установление авторства не обязательно. Ребенок производит большое количество слов, но никогда не будет отстаивать свое авторское право. Здесь можно провести аналогию с мастерами – великими художниками, архитекторами, которые не считали нужным оставлять свое имя в веках. Взрослый же заиклен на местоимении «я», «мое». В научных публикациях, согласно профессиональной этике, часто требуется указывать, чей это термин, кто ввел его в оборот.

Разный подход к языку и обуславливает специфику словотворчества. Мы восхищаемся новизной образований поэтов Серебряного века, знаем поименную принадлежность образцов. А детское авторское словотворчество в нашей жизни не имеет места. Является ли такое положение дел справедливым в обществе, считающимся децентристским? К сожалению, до сих пор опыт детского словотворчества менее значим, чем взрослого. Не всегда указывается автор новообразования, его возраст. Заметьте, даже в фольклорных экспедициях прежде собирается материал об информаторе.

Обратимся к анализу взрослого словотворчества с культурологической точки зрения. Особо показательное творчество поэтов Серебряного века.

Этот период характеризуется интенсивным поиском новых средств выражения мыслей, идей в поэтическом слого. Пушкинский литературный язык казался тяжеловесным, консервативным и вычурным для номинации реалий первой четверти XX века. В связи с чем футуристы предложили сбросить с парохода современности таких классиков, как А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский.

Произошла смена не только политического устройства, но и мировоззрения, понимания сущности и значения вещей, в частности – самой литературы.

Словотворчество поэтов Серебряного века основано на определенных принципах. Так, новообразования Велимира Хлебникова базируются на 21 начале, с позиции В.П. Григорьева [7; 118]. Интересно отметить некоторые из них. В первую очередь, закрепляется право самого словотворчества, свободы и возможности создания новых слов (1 начало). Но также важно обращаться и к устаревшим словам, вводить заново в оборот (6 начало). Эта идея развивалась не только ими, но именно у них получила наиболее яркое воплощение.

Интерес футуристов к прошлому вызывал недоумение у К.И. Чуковского. В своей работе «Футуристы» (1914 г.), говоря о такой парадоксальности, он указывал, в частности, на их обращение к историческим темам, но особое внимание уделял языку. Он обозначает его такими эпитетами, как: «экстазный», «оргийно-бредовый», «заумный» и пишет следующее: «...Этот заумный язык ведь, в сущности, и совсем не язык; это тот доязык, докультурный, доисторический, когда слово еще не было логосом, а человек – Homo Sapiens'om, когда не было еще бесед, разговоров, речей, диалогов, были только вопли и взвизги...» [8; 227].

Но такой синтез прошлого и будущего имеет обоснование. Б. Лившиц в своих воспоминаниях «Полутороглазый стрелец» пишет, что изначально себя (московское направление) они обозначали как «гилейцы». Гилея – древнегреческое название области в Скифии. Семейство Бурлюков располагало именем Чернянка в Херсонесе, где античная история имеет яркое предметное воплощение, чем могли любоваться и друзья Владимира, любившего раскапывать древние

курганы. «Гилея, древняя Гилея, попираемая нашими ногами, приобретаемая нашими ногами, должна была стать знаменем» [9; 36]. Б. Лившиц констатировал, что территориальное понятие «гилейцы» им нравилось тем, что ни к чему не обязывало [9; 114], тогда как «футуристы», «футуризм» – были, по его словам, «ошейником», который сдавливал горло и удерживал в общей своре [9; 216.], его с завидным усердием затягивали газетчики. Футурист Б. Лившиц до конца своей жизни не терял приверженности Гилеи, делая эту любовь естественно, тайной. Так, название своим воспоминаниям он дал именно «Полутороглазый стрелец» (1933 г.). Как можно видеть, обращение к истории, к прошлому футуристами вполне логично и обосновано.

Это касается и доисторического языка, о котором говорил К.И. Чуковский. Б. Лившиц, описывая свои восторженные чувства от прочтения черновиков В. Хлебникова в Чернянке, также пишет об ожившем довременном слове, о едином историческом измерении для праязыка, «дремучего Даля» и современного слова [9; 48].

Несколько иное объяснение стремлению к прошлому будущников дает П.А. Флоренский: «Пафос футуризма – возврат к дологическому стихийному хаосу, из которого возник язык <...> футуристы – консерваторы и ретрограды, и если они бунтуют, то потому, что первичный хаос и есть неукротимый извечный бунт» [10; 186]. Религиозный философ тщательно изучает вопрос речетворчества на примере футуристов в рамках вопроса антиномии языка.

В «обижальном и поучальном» трактате А. Крученых «Сдвигология русского стиха» (1922 г.), поясняя теорию сдвига, выделяя, в частности, смысловой, синтаксический и прочие сдвиги, указывает, что именно они приводят к созданию новых слов. Следует обратить

внимание на важную деталь: в своем труде А. Крученых часто говорит о рассмотренном выше заумном языке (заумь). Такие слова освобождены от смысла, как пишет теоретик футуризма, в них сосредоточена «крайняя легкость» и «крайняя тяжесть» [11; 34]. Такой сдвиговый («доязык») язык присущ не только взрослому словотворчеству, но и детскому. Заумь часто становится основой для создания считалок («заумные считалки»). Ф.С. Капица и Т.М. Колядич констатируют, что дети с удовольствием используют малопонятные слова [12; 83].

П.А. Флоренский критично относился к заумному языку, считая, что он, как выражение высшей степени натуральности, обнажает «стон души» до такой степени, что уже не отличим от подделки, в нем нет движения [10; 183].

Среди неологизмов В. Хлебникова встречаются следующие: боженьята, времякопы, главнебы, дахари, дружево, заумец, игрополь, Ладомир, моженята, Никогдавь, оренята, смехачи, судьбоплавание, хныкачи, хохотка, чтожества и пр. [см.: 13]. Так, в слове «Ладомир» воплощена попытка обозначить мир духовной гармонии, которую можно воспринимать как мечту и, вместе с тем, утопию.

Необходимо отметить, что детское и взрослое словотворчество роднит очень многое. Единый культурологический процесс опредмечивания – распрепредмечивания – сотворчества; стремление к заполнению лакун (абсолютных и относительных); интерес к загуме; идентичность словообразовательных моделей.

Для правомерности последнего утверждения был проведен эксперимент, в котором приняли участие студенты факультета русской филологии и национальной культуры Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань).

Цель исследования – оценить продуктивность процесса

идентификации словообразовательных инноваций (ребенок / взрослый).

Исходные данные. Студентам предложено 40 окказионализмов – образцов детского и взрослого словотворчества. Необходимо установить их авторство (ребенок / взрослый), принимая во внимание, что творцами были: поэт Серебряного века и русские дети конца XX века.

Примеры словотворчества были взяты из поэтического наследия В. Хлебникова и «Словаря детских словообразовательных инноваций», составленного С.Н. Цейтлин.

Результаты исследования. Установление авторства (ребенок / взрослый) оказалось достаточно трудной задачей. Наилучшим результатом идентификации стало 24 слова из 40 (1 человек), наихудшим – 13 из 40 (1 человек); средний показатель – 18 из 40. То есть меньше чем у половины слов из представленного списка правильно смогли определить, кто мог сочинить то или иное слово.

Наибольшее затруднение вызвали слова: «Арабия» (ребенок, 1 правильный ответ), «взорваль» (бомба) (взрослый, 2 правильных ответа), «гидрописьмо» (ребенок, 3 правильных ответа), «любёнок» (взрослый, 4 правильных ответа), «церквинка» (ребенок, 3 правильных ответа), «юрчатый» (ребенок, 2 правильных ответа). Пять человек правильно определили авторство таких окказионализмов, как: «звучей» (взрослый), «изворотень» (ребенок), «учаливать» (ребенок).

Студентам было также предложено письменно ответить, насколько трудно им было выполнять задание. Из 20 человек 9 признали его сложность; 5 – ответили отрицательно; 6 – затруднились ответить.

Развернутые ответы показали, что некоторые студенты воспринимают взрослое словотворчество исключительно как подражание детской речи, он стремится

«стилизировать свою речь под наивное, простое и абсурдное мировоззрение ребенка» с целью достижения большей выразительности. Необходимо заметить, что поэты Серебряного века различных литературных направлений стремились к творческой самостоятельности, к поиску новых средств, способов выражения мысли. Весьма спорным является суждение об их подражательности детскому слогу.

Было высказано одним из студентов другое предположение относительно природы взрослых окказионализмов. Этимология взрослого и детского словотворчества едина – отсутствие знаний о правильной номинации. Думается, что эта версия не является убедительной, поскольку человек достаточно быстро осваивает специфику языковой системы, ее правила.

Это исследование позволяет подтвердить, что процессы взрослого и детского словотворчества во многом схожи, что приводит к образованию окказионализмов, трудноотличимых

друг от друга по возрастному признаку (ребенок / взрослый).

Если говорить в целом о словотворчестве поэтов Серебряного века, то общим началом и для детского творчества выступает смех как катарсис, как избавление от жесткой, неудобной, неточной языковой нормы.

Относительно общей тенденции к заполнению лакун, решению проблем отсутствия словесных этикеток, важно указать, что детское словотворчество несамоцельно, тогда как взрослое основано на четком осознании языкового пробела. Так, это находит выражение в создании проективных словарей, в которых собраны термины-неологизмы, чьи авторы активно предлагают научному сообществу рассмотреть и ввести в оборот предлагаемую дефиницию. Например, «Проективный философский словарь» [см.: 14].

Таким образом, процесс словотворчества характерен не только для детей, но и для взрослых. Такие разновозрастные акты имеют много общих и различных черт.

Примечания:

1. Харитоновна М. Мой шатливый старый зуб // Вожатый. 1980. № 8. С. 52.
2. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. Москва, 2000. 240 с.
3. Пушкин А.С. Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди // Сочинения в трех томах. Т. 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила. Москва, 1985. С. 606-629.
4. Барто А. Детям. Москва, 1987. 240 с.
5. Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. Москва, 2009. 592 с.
6. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Москва, 1991. 320 с.
7. Григорьев В.П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. Москва, 1986. 255 с.
8. Чуковский К.И. Футуристы // Собрание сочинений в шести томах. Т. 6. Статьи 1906-1968 годов. Москва, 1969. С. 202-239.
9. Лившиц Б. Полутороглазый стрелец. Москва, 1991. 350 с.
10. Флоренский П.А. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Т. 1. Москва, 2013. 684 с.
11. Крученых А. Сдвигология русского стиха. Санкт-Петербург, 2013. 48 с. Репринтное воспроизведение издания 1922 г.
12. Капица Ф.С., Колядич Т.М. Русский детский фольклор. Москва, 2002. 320 с.
13. Хлебников В. Одинокий лицедей. Москва, 2013. 238 с.
14. Проективный философский словарь: новые термины и понятия / под ред. Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна. Санкт-Петербург, 2003. 512 с.

References:

1. Kharitonova M. My mobile old tooth // *Vozhatyi*. 1980. No. 8. P. 52.
2. Tseitlin S.N. Language and child. Linguistics of child's speech. Moscow, 2000. 240 p.
3. Pushkin A.S. Tale of Tsar Saltan, his son – the renowned and mighty warrior Prince Guidon Saltanovich and the beautiful Swan Princess // *Works in three volumes*. Vol. 1. Poems; Fairy tales; Ruslan and Ludmila. Moscow, 1985. P. 606-629.
4. Barto A. For children. Moscow, 1987. 240 p.
5. Tseitlin S.N. Essays on word-formation and morphogenesis in the child's speech. Moscow, 2009. 592 p.
6. Bunin I.A. Life of Arsenyev. Moscow, 1991. 320 p.
7. Grigor'ev V.P. Word creation and related problems of poet's language. Moscow, 1986. 255 p.
8. Chukovskii K.I. Futurists // *Collected works in six volumes*. Vol. 6. Articles 1906-1968. Moscow, 1969. P. 202-239.
9. Livshits B. Sagittarius with an eye and a half. Moscow, 1991. 350 p.
10. Florenskii P.A. At the watershed of thought (Features of specific metaphysics). Vol. 1. Moscow, 2013. 684 p.
11. Kruchenykh A. Shift studies of Russian verse. St. Petersburg, 2013. 48 p. Reprint edition reproduction of 1922.
12. Kapitsa F.S., Koliadich T.M. Russian children's folklore. Moscow, 2002. 320 p.
13. Khlebnikov V. Lone actor. Moscow, 2013. 238 p.
14. Projective philosophical vocabulary new terms and concepts / Eds. G.L. Tul'chinskiy and M.N. Epshtein. St. Petersburg, 2003. 512 p.